

Зиновий Гердт

Прошлое не возвращается...

Кульбура, — 1994, — 16 июля (№ 27), — с. 8.

Псковщина чрезвычайно значима в моей жизни. Я родился в маленьком городке под названием Себеж, в тринадцати километрах от границы с Латвией. Родился, жил там до восьми лет, потом уехал и долгие-долгие годы не возвращался. Но образ в душе жил. И однажды я вместе с театром оказался на гастролях в Таллинне. Был на колесах, и вдруг загорелся идеей — вернуться в Москву через Псков, чтобы по дороге заехать в город детства. Когда у очередного поворота увидел знак — до Себежа столько-то километров, — у меня прямо сердце зашло. Зов родины — затертое выражение, романтическое и пошловатое одновременно, но это был именно он. Я точно знаю, зов крови мне не доводилось испытывать, здесь у меня, видимо, что-то атрофировано, а вот зов родных мест ощутил в

тот момент с необычайной силой. Обычно, находясь один в машине, я размышляю или читаю стихи, но тогда уже только вспоминал, воскрешал в памяти эпизоды давнего прошлого.

Раннее детство. Город на двух озерах, полных рыбы. Зимой мы гоняли по льду на коньках. Были такие «снегурочки», цеплявшиеся к валенкам. Дни короткие, уже темно, мы устали, намокли, и мой приятель, сын жестянщика, зовет меня к себе — его дом, стоял на главной улице Себежа, фактически — перешейке между озерами. Дома была его старшая сестра. Она отковыривала веревочки от каких-то пломб, брала их из одного ведра и готовые перебрасывала в другое. Знаете, как очищают ягоды от косточек. От нечего делать я тоже сел и немного поковырял. Потом,

когда товарищ пошел меня провожать, я поинтересовался, зачем это делается. Не моргнув глазом, он объяснил мне, что в ведрах — заготовки для чеканки двадцатикопеечных монет. Меня это ничуть не удивило. Я полагал, что деньги чеканятся именно так — дома, кустарным способом. Помню, я даже никому не рассказал, не из осторожности, а просто казалось, нет ничего интересного.

Мои воспоминания прервали два человека, голосовавшие на обочине. По иронии судьбы один из них оказался главным архитектором Себежа, возвращавшимся с какой-то конференции. Я, конечно, тут же в него вцепился, засыпал вопросами, но он мало что мог ответить. Можно быть классным специалистом, профессионалом, и все-таки, если тебя не связывают с каким-то

местом давние чувства, ты всего лишь временщик.

Дома нашего я уже не нашел, вместо него высилось черт знает что. Поразительно изменились масштабы. Расстояния, впечатлявшие в детстве, свелись буквально к десяткам, максимум сотням метров. Выяснилось, что жили мы совсем недалеко от вокзала, а ведь каждая поездка туда казалась целым приключением. Такие путешествия выпадали мне два-три раза за лето. Я встретил в Себеже пожилого парикмахера, одного из детских своих приятелей. Но прошлое не возвращается, даже как иллюзия, как мимолетный мираж. Псковщина стала иной. Ракеты, военные части, подземные аэродромы — это уже не чистая земля. Да и осталась ли наша земля чистой хоть где-нибудь?..